

Юридическая психология

© 1997 г. И.А. Кудрявцев, Н.А. Ратинова, О.Ф. Савина

ДЕЯТЕЛЬНОСТНЫЙ ПОДХОД ПРИ ЭКСПЕРТНОМ АНАЛИЗЕ АГРЕССИВНО-НАСИЛЬСТВЕННЫХ ПРАВОНАРУШЕНИЙ

Излагаются принципы применения деятельностного подхода для анализа агрессивного-насильственных преступлений, совершенных в состоянии выраженного эмоционального напряжения (протекающего вне рамок физиологического аффекта) в практике проведения комплексных судебных психолого-психиатрических экспертиз (КСППЭ). Предлагается методология более дифференцированной оценки эмоциональных состояний правонарушителя в соответствии с характером и степенью нарушения структуры деятельности и ведущим уровнем саморегуляции при совершении противоправного действия.

Ключевые слова: комплексная судебная психолого-психиатрическая экспертиза (КСППЭ), агрессия, личностная направленность, уровень саморегуляции, аффект, эмоциональная напряженность, эмоциональная реакция, ответственность.

В настоящее время отмечается рост и изменение структуры преступности в России. Наибольшую социальную опасность представляет увеличение числа и усугубление тяжести правонарушений, направленных против личности. Получили распространение такие известные на Западе формы криминальной агрессии, как заказное убийство, захват заложников, террористические акты. Наблюдается тенденция роста бытовых убийств, которые приобретают более деструктивный, брутальный характер, нередко совершаются с особой жестокостью.

Данные негативные явления нуждаются в тщательном научном анализе. Одним из его перспективных направлений является психологическое. Исследования агрессии и агрессивности имеют долгую традицию, проводились в рамках различных психологических школ. Помимо несомненного теоретического значения, изучение этой проблематики имеет очевидную практическую направленность. В отечественной юридической психологии работы в этой области велись А.Р. Ратиновым [1, 10], С.Н. Ениколоповым [4], Г.Х. Ефремовой [5] и рядом других авторов.

Современные исследователи данного вопроса разработали большое число различных классификаций агрессии. Нам представляется продуктивным использовать в настоящей работе наиболее распространенное разделение агрессии на целевую, инструментальную и аффективную. В отечественной психологической традиции понятие целевой агрессии более точно соответствуют определения "смысловая" или "мотивационная".

Одним из разделов юридической психологии, непосредственно связанным с анализом агрессивного поведения, изучением его феноменологии, причин, механизмов развития и регуляции является теория и практика психологической экспертизы.

Значительное число проводимых судебно-психиатрических, судебно-психоло-

гических и подавляющее большинство комплексных психолого-психиатрических экспертиз направлено на экспертную оценку лиц, совершивших агрессивно-насильственные преступления. При этом перед психологами-экспертами встают задачи определения эмоционального состояния субъекта в момент совершения им правонарушения, а также выявление присущих ему индивидуально-психологических и личностных особенностей. На основании проведенного исследования выносится экспертное суждение о наличии или отсутствии у обвиняемого при совершении противоправного деяния физиологического аффекта или иного эмоционального состояния, которое оказывало бы существенное влияние на его сознание и деятельность, ограничивая контроль и ответственность за содеянное. Данная проблематика освещается в работах М.М. Коченова [6], И.А. Кудрявцева [7], О.Д. Ситковской [11], В.В. Романова [10].

Экспертная практика показывает, что правонарушения, совершенные в состоянии "классического" физиологического аффекта, встречаются довольно редко. Значительно более широко распространены случаи развития у субъекта правонарушения состояний выраженного эмоционального напряжения или возбуждения, не укладывающиеся в строгие рамки физиологического аффекта.

Указанные состояния сопровождаются аффективной суженностью сознания и восприятия, снижением интеллектуально-волевого самоконтроля и способности к прогнозу последствий своих действий, нарушением селективности выбора средств и способов действий, высокой энергетической разрядкой, что приводит к значительным нарушениям произвольной саморегуляции.

Под саморегуляцией мы понимаем иерархически организованный многоуровневый процесс обеспечения внутренней упорядоченности и внешней адаптивности деятельности путем координации и взаимного согласования ее структурных элементов для удовлетворения потребности и достижения поставленной цели оптимальными способами и средствами, с учетом конкретных условий ее осуществления. В зависимости от характера и уровня нарушений саморегуляции внешне сходные акты агрессии могут иметь принципиально различную природу и занимать разное место в структуре деятельности. При дальнейшем анализе в качестве методологической основы нами была принята концепция деятельности А.Н. Леонтьева [8].

Ф.Е. Василюк, развивая эту теорию, предложил для оценки фрустрационного поведения использовать такие основополагающие характеристики, как мотиво- и целесобразность деятельности [2]. Эти два обобщенных критерия, позволяющие судить о степени организованности фрустрационного поведения, были положены И.А. Кудрявцевым [7] в основу анализа криминальных аффективных деликтов.

Отсюда все многообразие актов агрессии может быть отнесено к трем различным классам на основании ведущего уровня саморегуляции поведения, места агрессивных проявлений в общей структуре деятельности субъекта. По этим основаниям типологизации *первый класс* составляют акты агрессии, которые осуществляются на уровне деятельности, побуждаясь соответствующими агрессивными мотивами, а саморегуляция поведения протекает на наиболее высоком, личностном уровне.

Такая деятельность субъекта является максимально произвольной и осознанной, здесь индивид обладает наибольшей свободой воли, селективностью выбора средств и способов действий, а, следовательно, и полной ответственностью. В подобном случае как деятельность в целом, так и ее операциональный состав обусловлены общей социальной направленностью личности, соотношены с ее системой ценностей, ведущими мотивами и целями, т.е. являются в полной мере характерными для субъекта как внешние проявления его внутренней (личностной) структуры.

Таким образом, выбор агрессивных или неагрессивных форм поведения, соотношение его с общепринятыми нормами (в том числе, моральная оценка) осуществляются на иерархически наиболее высоком – личностном уровне саморегуляции.

Второй класс образуют акты агрессии, релевантные уже не деятельности в целом, а соотносимые с уровнем действий. Под влиянием эмоционального напряжения (или

возбуждения) поведение утрачивает мотивосообразность, а активность направляется аффективно насыщенными, ситуационно возникшими целями.

В этих случаях аффективная дезорганизация затрагивает все структурные звенья деятельности, приводя к редукции ее отдельных элементов и общему регрессу всего процесса регуляции активности. Ведущим уровнем, детерминирующим характер и специфику поведения, при этом становится не личностно-смысловой, а индивидуальный: факторами (механизмами), определяющими деяние, выступают не целостные смысловые образования и ценностные ориентации личности, а присущие субъекту индивидуально-психологические, характерологические особенности.

Следствием подобного регресса является резкое ослабление функционирования регулятивных механизмов личностного уровня, ответственных за соотнесение планируемых и осуществляемых поступков, с общепринятыми социальными и моральными нормами, а также приведение их в соответствие с собственными ценностями и мотивами. В результате поведение становится релевантным уже не мотивам, а лишь целям, причем ситуационно обусловленным, аффективно возникшим.

Это позволяет заключить: регресс на индивидуально-психологический уровень переводит активность из разряда деятельности на уровень относительно упорядоченных и ситуативно целесообразных действий. Снижение уровня регуляции объясняет причину ослабления произвольности и опосредованности осуществляемых действий, их повышенную импульсивность, непосредственность реализации возникающих деструктивных побуждений.

Поскольку личностные механизмы саморегуляции, моральная и социальная оценка собственных действий оказываются в значительной степени блокированными из-за выраженного эмоционального напряжения или возбуждения, поведение субъекта преступления, инкриминируемые ему деяния психологически не носят характера свободного и осознанного выбора, а представляют собой в значительном большинстве случаев реализацию динамических стереотипов, иногда – разворачивание без адекватного учета ситуации профессионально сформированных навыков. Контроль за осуществлением действий при этом либо практически отсутствует, либо носит чисто ситуативный поверхностный характер, соотнося действия лишь с объективными, предметными параметрами аффектогенной ситуации.

Сказанное позволяет объяснить и теоретически обосновать часто возникающие в экспертной практике суждения о том, что поведение субъекта в исследуемой криминальной ситуации "является не характерным для него", противоречит его личностной направленности, не вписывается в его жизненный опыт, не соответствует практикуемым им обычно способам поведения в конфликте. Действительно, поскольку в случае выраженного эмоционального напряжения личностный уровень как бы "снимается", то действия, совершенные в подобном состоянии, теряют типичность для данной личности, приобретая особенности, свойственные другому, иерархически более низкому уровню.

Последний класс образуют акты агрессии, совершенные субъектами, находившимися в наиболее глубокой степени аффективной дезорганизации – либо в состоянии физиологического аффекта, либо в эмоциональных состояниях, отличающихся иной, чем у физиологического аффекта, феноменологией и динамикой протекания, однако не уступающих ему (или даже превосходящих его) по глубине и степени нарушения произвольной саморегуляции ("аномальный аффект" [7], "физиологический аффект на патологической почве" (В.П. Сербский)).

В этих случаях регресс достигает уже не индивидуального, а индивидуального уровня. Активность теряет не только мотивосообразность, нарушается и целесообразность, поведение разворачивается в форме отдельных операций или динамических стереотипов, а подчас носит неупорядоченный, хаотический характер, проявляющийся в форме двигательных стереотипий.

Нарушение сознания достигает столь глубокой степени, что у субъекта практически утрачивается способность к адекватному отражению и целостному осмыслению

происходящего, по существу полностью нарушается произвольность и опосредованность поведения, блокируется звено оценки, способность к интеллектуально-волевому самоконтролю и саморегуляции. На этом уровне саморегуляции нивелируются как личностные, так и индивидуальные особенности субъекта.

Как видно из сказанного, анализ поведения субъекта деяний на основе положений (схемы) теории деятельности исходит из представлений о том, что механизмы саморегуляции и самоконтроля, как и большинство других личностных структур, имеют многоуровневый, системный характер. В руководстве конкретным поведенческим актом ведущую роль играет какой-либо один из уровней саморегуляции, остальные являются комплементарными. Протекание процесса саморегуляции на том или ином уровне зависит от объективной практической сложности осуществляемой субъектом деятельности, а также ее субъективной, личностной значимости для него.

Представляется, что в тех случаях, когда по каким-либо причинам возникает "сбой" в ведущем уровне саморегуляции, его функции принимает на себя один из ниже лежащих уровней. Однако при достаточной эмоциональной значимости и аффективной напряженности ситуации, в которой протекает деятельность, успешность и качество подобной компенсации естественно ниже, чем при функционировании механизмов адекватного уровня, в результате чего достигаемый уровень саморегуляции зачастую оказывается несколько ущербным.

В своей работе мы основывались на предположении о том, что актуальная возможность субъекта к осуществлению осознанного и произвольного руководства своими действиями определяется

- сформированностью механизмов саморегуляции;
- структурным уровнем деятельности, на котором осуществляется криминальное поведение и его регуляция;
- личностными и индивидуально-психологическими особенностями субъекта;
- актуальным эмоциональным и психосоматическим состоянием на момент инкриминируемого агрессивно-насильственного преступления;
- аффектогенностью и личностной значимостью криминальной ситуации и предшествовавших ей обстоятельств.

Снижение способности к произвольной саморегуляции при совершении конкретного общественно-опасного деяния может быть следствием как одного из вышеперечисленных факторов, так и результатом различного сочетания некоторых из них или всей совокупности; оно может проявляться как в широком диапазоне поведенческих реакций, так и в отдельных исключительных случаях.

Для проверки сформулированного теоретического положения качественному психологическому анализу были подвергнуты данные 153 комплексных психолого-психиатрических экспертиз по делам об агрессивно-насильственных правонарушениях, совершенных в ситуационно вызванных эмоциональных состояниях различной степени выраженности. Испытуемые, вошедшие в исследуемую выборку, были признаны экспертными комиссиями ГНЦ ССП им. В.П. Сербского виновными. Им ставились диагнозы – остаточные явления органического поражения головного мозга, психопатия, психопатические черты.

Все указанные подэкспертные были подвергнуты экспериментально-психологическому исследованию с использованием стандартного набора патопсихологических методик для уточнения нозологической принадлежности, а также тестировались с помощью ряда специальных узконаправленных психодиагностических личностных методик (Уровень субъективного контроля, Волевой самоконтроль, модификация Цветового теста отношений, Тест руки). Со всеми исследованными проводилась подробная клиническая беседа об обстоятельствах правонарушения, их субъективных переживаниях, феноменах изменения восприятия (сознания) и деятельности. Под этим же углом зрения анализировались материалы уголовных дел.

В зависимости от характера нарушений структуры деятельности при совершении инкриминируемого деяния испытуемые распределялись по шести эмпирическим

Психологические характеристики криминального поведения

Группа	Мотиво- сообраз- ность	Целесооб- разность	Прогноз последствий		Контроль	Выбор способов	Выбор средств	Степень охвата ситуации	Вид актив- ности	Уровень регуляции
			социальных	физических						
1-я 46 чел	Сохранна Сохранна Сохранна	Сохранна Сохранна Сохранна	Полный Ослаблен Нарушен	Сохранен Сохранен Частичный	Сохранен Ослаблен Снижен	Осознанный Привычный Осознан частично	Осознанный Ситуативный Ситуативный	Полная Полная Достаточная Суженная	Деятельность Деятельность Деятельность Действие	Личностный Личностный Личност- ный Индивиду- альный
2-я 34 чел										
3-я 13 чел										
4-я 24 чел	Отрыв мотива от цели	Ситуатив- но возник- шая, аф- фективно обуслов- ленная	Сущест- венно снижен	Нарушен вплоть до утраты	Ситуатив- ный, им- пульсивный	Ситуативный, импульсив- ный	Суженная	Действие	Индивиду- альный	
5-я 13 чел	Нару- шена	Привне- сение це- лей из прошлой деятель- ности	Нарушен	Нарушен	Слабо осоз- наваемое, автоматизи- рованные, профессио- нально сформиро- ванные сте- реотипы	Ситуатив- ный или привычный	Суженная с элемен- тами ис- кажения	Операции, динамические стереотипы	Индивиду- альный	
6-я 23 чел	Утрачена	Утрачена	Утрачен	Утрачен	Утрачен	Ситуатив- ный, им- пульсивный	Пределы суженная	Неупорядо- ченные, часто хаотические операции	Индивиду- альный (ближе к ин- дивидному)	

выделенным группам. Группы представлены в порядке возрастания степени и глубины нарушений произвольной саморегуляции: от минимальных в первой группе до максимально выраженных в шестой (см. таблицу).

В *первую группу* вошли лица, совершившие криминальные деяния на фоне нерезко выраженного эмоционального напряжения. Для них были характерны неустойчивая или асоциальная личностная направленность, формальная ориентация на социальные нормы и правила, либо оппозиционное отношение к ним, а также эгоцентричность, склонность к самооправданию и внешнеобвиняющим формам реагирования, низкое чувство собственной вины и ответственности. При сохранности потенциальной возможности к самоконтролю и саморегуляции, способности к опосредованным формам поведения данные лица в ситуации даже незначительной фрустрации, ущемления их интересов, осознанно выбирали агрессивный способ взаимодействия из ряда других доступных им вариантов, как наиболее с их точки зрения эффективный и личностно приемлемый. Во фрустрирующей ситуации у них формировалась достаточно осознанная агрессивная цель, согласующаяся с их ведущими мотивами, не вступающая в противоречие с системой их ценностных ориентаций, личностных смыслов. Выбор средств и способов действия, всего опрационального состава осуществлялся в соответствии с поставленной целью. При этом криминальное поведение разворачивалось, несмотря на состояние некоторой эмоциональной напряженности, с сохраненным планированием, контролем, адекватной саморегуляцией, достаточным прогнозом возможных последствий своих действий. Таким образом, у лиц данной группы криминальное поведение характеризовалось полной представленностью и развернутостью всех элементов, составляющих целеполагание и целедостижение, присутствовали все признаки адекватных предметных действий, включенных в общую структуру деятельности.

В отличие от предшествующей группы, где склонность к агрессивным поступкам определялась в основном личностной направленностью субъектов, лица, составляющие *вторую группу*, характеризовались, главным образом, более хрупкой личностной структурой, низкой потенциальной способностью к адекватной саморегуляции в стрессовых ситуациях, несформированностью механизмов конструктивного разрешения конфликтов, импульсивностью, узким поведенческим репертуаром. Причинами их противоправных действий являлись не столько осознанно асоциальный характер установок, или оппозиционное отношение к существующим социальным и правовым нормам, сколько недостаточная их интериоризация, трудности конструктивного анализа проблемных ситуаций, зачастую – личностная примитивность, низкая рефлексивность, плохое самопонимание и, как следствие, – нарушение звена опосредования в стрессовых ситуациях.

При воздействии фрустрирующих факторов у этих лиц происходило частичное свертывание структуры деятельности, которая при внешней упорядоченности приобретала отдельные черты полевого поведения. Это приводило к некоторой деформации функционирования механизмов целеполагания, продуцированию эмоционально насыщенных ситуативных целей, достаточно слабо интегрированных и согласованных с общей мотивационной системой. Ослабление опосредованности деятельности проявлялось также в том, что выбор средств и способов действия крайне сужался и стереотипизировался, во многом определяясь внешними предметными условиями актуальной ситуации. Уровень контроля и прогноза, который был исходно невысок у лиц данной подгруппы, при возникновении эмоционального напряжения еще больше снижался.

Таким образом, анализ криминального поведения лиц, составляющих вторую группу, показывает, что оно сохраняет общие признаки деятельности, носящие, однако, в значительной степени свернутый, редуцированный характер за счет деформации в звене целеполагания при относительной сохранности звена целедостижения.

В отличие от двух вышеописанных групп, системообразующим признаком отнесения испытуемых к *третьей группе* является наличие выраженного провоцирую-

щего характера самой криминальной ситуации. Лицам, входящим в эту группу, свойственны, наряду с лабильностью и неустойчивостью эмоциональных проявлений, ригидность аффективных процессов. Данные субъекты ориентированы в существующих морально-нравственных и правовых нормах, способны к дифференцированному адаптивному социальному взаимодействию, опосредованным формам поведения и конструктивному разрешению возникающих межличностных противоречий. Они обладают достаточными личностными ресурсами для разрешения большинства возникающих у них проблемных ситуаций и в силу этого вероятность совершения ими агрессивно-насильственных правонарушений относительно невелика.

"Резкий сбой" системы саморегуляции у этих лиц может происходить лишь в экстремальных, остро конфликтных, психотравмирующих стрессовых ситуациях, при которых угроза наиболее значимым для них ценностям возникает неожиданно и носит выраженный характер. Такие ситуации, как правило, требуют немедленных, нестандартных и взвешенных решений. Подобные требования "бьют" одновременно по двум наиболее слабым звеньям в личностной структуре описываемых индивидов. С одной стороны, в субъективно сложных ситуациях в наибольшей степени проявляется свойственная им эмоциональная неустойчивость, легкость возникновения реакций раздражения, импульсивность, ослабляющие их способность к взвешенным и продуманным действиям. С другой стороны, присущая им аффективная ригидность проявляется в трудностях оперативного выбора оптимальных стратегий и способов реагирования при крайне высокой значимости результата. Необходимость принятия решения в указанных неблагоприятных условиях приводит к формированию аффективно насыщенной цели, соотносимой с актуально затронутыми личностными смыслами и направленной на защиту ценностей от угрозы.

В то же время, при формировании и постановке данной цели "выпадает" присущий данным лицам в обычном состоянии (ситуации) этап соотнесения ее с морально-этическими и социальными нормами. Прогноз возможных последствий своих действий как для себя, так и для жертвы, ограничен, несколько редуцирован. При понимании агрессивного характера совершаемого и ожидаемых физических последствий, т.е. объективного предметного значения своих действий, у этих лиц на высоте эмоционального состояния "выпадают" из поля осознания социальные аспекты собственной деструктивной активности, вероятность применения к ним правовых санкций. Источником острого конфликтного противоборства в большинстве подобных случаев являются потерпевшие, причем их действия содержат в себе грубую провокацию агрессии, что проявляется либо в унижении личного достоинства и иных значимых ценностей, либо в необоснованном применении физической силы. Вследствие этого собственное насильственное разрешение проблемы воспринимается правонарушителями как субъективно оправданное. В то же время анализ криминального поведения описываемых лиц выявляет недостаточную сохранность как структуры отдельных действий (звеньев целеполагания и целедостижения), так и их сопряженность с актуализированными в конфликтной ситуации личностными смыслами. Это позволяет сделать вывод о том, что саморегуляция осуществлялась на личностном уровне, а акты агрессии были включены в общий контекст деятельности.

Субъекты, входящие в три описанные выше группы, по решению экспертных комиссий были признаны вменяемыми. У них были в достаточной степени сохранены и представлены все структурные звенья деятельности. Она произвольна, упорядочена, подконтрольна, носит мотиво- и целесообразный характер, при этом не наблюдается существенного снижения прогностических возможностей. На основании этого их поведение можно считать соответствующим понятию вменяемости без каких-либо принципиальных ограничений. Однако наличие некоторой редукции в звене целеполагания у лиц второй группы может быть отмечено в экспертных заключениях с формулировкой: "присущие субъекту личностные особенности и эмоциональное состояние нашли отражение в его поведении при совершении противоправных действий".

У лиц третьей группы в экспертном выводе целесообразно подчеркнуть: конфликтная ситуация явилась остро психотравмирующей для них, затрагивала ведущие личностные смыслы и ценности, и одновременно неблагоприятно воздействовала на наиболее уязвимые звенья личностной структуры, предъявляя чрезмерные требования к их ресурсам саморегуляции. Подобное экспертное суждение может быть учтено судом в качестве смягчающего ответственность обстоятельства при назначении наказания.

Результаты психологического обследования выявляют у лиц, входящих в три описанные группы, ряд общих и индивидуальных особенностей, позволяющих объединить их в один (первый) тип. В той или иной степени всем им свойственны сниженный порог фрустрации, недостаточная эмоциональная устойчивость, импульсивность, легкость актуализации чувства враждебности и агрессивных тенденций. Вследствие этого значительный класс ситуаций, расцениваемых большинством людей как эмоционально нейтральные, воспринимается ими как лично значимые, остро конфликтные, требующие немедленного активного участия. Их жизнедеятельность протекает в поле конфликтного противостояния, в результате чего установки на конфронтацию, деструктивное взаимодействие являются постоянно активизированными, а насильственное разрешение периодически воспроизводящихся конфликтов становится привычным, стереотипизированным и наиболее отработанным способом их реагирования. При этом отмечается сниженная способность этих субъектов к объективному анализу конфликтов и причин их возникновения, характера и особенностей собственной роли в них. Вследствие присущей им склонности к непосредственному отреагированию возникающих агрессивных тенденций, конфликтные ситуации, как правило, не носят затяжного характера, отличаются кратковременностью протекания, данные лица как бы "переходят" из одного конфликта в другой в ответ на новый раздражитель.

У лиц, входящих в *четвертую группу*, поведение в конфликтной ситуации определяется ведущим влиянием аффективно насыщенной цели. Ее формирование было исходно соотнесено с основными мотивами личности, однако в ходе развертывания конфликтной ситуации (при дальнейшей эскалации конфронтации и невозможности достижения этой цели предполагавшимися ранее неdestructивными методами) она на высоте эмоциональной вспышки приобретает сверхзначимый характер, автономизируется, происходит смещение мотива на цель. При этом нарушается операциональное обеспечение поставленной цели, селективность выбора средств и способов ее достижения, они носят полевой, зачастую аварийный, крайне деструктивный характер. Сознание субъекта в описываемом состоянии отличается выраженной суженностью, фиксацией на аффектогенном объекте, причем значительное число элементов ситуации, не связанных непосредственно с объектом, выпадает из поля восприятия.

В результате существенно нарушается способность к целостному осмыслению и оценке ситуации, резко ухудшается качество контроля за своими действиями и прогноз их возможных последствий. Можно сказать, что, несмотря на относительную внешнюю упорядоченность активности субъекта, она носит исключительно полевой характер. Исходно мотиво- и целесообразная деятельность, направленная на преодоление конфликта, в процессе конфронтации и при острой фрустрации на фоне эмоционального возбуждения утрачивает свою внутреннюю интеграцию и согласованность составляющих ее звеньев. Криминальное поведение организуется уже только аффективно обусловленной целью с выпадением этапа планирования и неадекватным операциональным обеспечением. Это позволяет сделать вывод о том, что эксперт в этом случае имеет дело уже не с мотивообразной деятельностью, а лишь с относительно упорядоченными действиями, релевантными не мотиву, а аффективно насыщенной цели. Регуляция этих действий осуществляется уже механизмами не личностного уровня, а иерархически более низкого – индивидуального.

Достаточно специфические формы протекания криминального поведения отме-

чаются у лиц, образующих *пятую группу*. Следует отметить, что только эта группа является относительно гомогенной по составу, поскольку в отличие от других групп ее члены связаны общностью социально-профессиональных характеристик. Она включает военных, сотрудников правоохранительных органов, лиц, проходивших службу в армии в условиях ведения военных действий. Указанный контингент обычно имеет выраженную просоциальную направленность, тенденцию к канализации присущей им повышенной агрессивности в общественно одобряемых формах. В то же время успешно осуществление профессиональной деятельности предполагает разрушение у данной группы лиц психологического барьера перед лишением человека жизни, девальвацию ценности как собственной жизни, так и жизни другого, ослабление страха смерти. Одновременно у них отмечается сформированность профессиональных навыков деструктивного взаимодействия, физического сопротивления, уничтожения противника, доведенных постоянными тренировками до уровня динамических стереотипов и направленных на выживание в экстремальных ситуациях ведения боя.

Действия этих стереотипов при возникновении реальной или субъективно воспринимаемой угрозы для жизни актуализируется практически автоматически, зачастую без предшествующего включения звена осознания, опосредования, критической оценки всех параметров ситуации и ее объективной опасности. Подобная профессиональная деформация является необходимым условием эффективного выполнения служебных обязанностей. Однако некоторые представители данных профессий, обладающие дисгармоничной личностной структурой в виде сочетания аффективной ригидности, негибкости, обидчивости, обостренного самолюбия с эмоциональной лабильностью, сниженным порогом фрустрации, оказываются потенциально предрасположенными к совершению агрессивно-насильственных деяний в остро конфликтных психотравмирующих ситуациях, затрагивающих их ведущие ценности и смыслы.

При этом их активность теряет мотивосообразность и побуждается аффективно обусловленной целью, направленной на обезвреживание "противника". В конфликтную ситуацию механически переносятся целые структурные блоки, представляющие собой внешне упорядоченную последовательность агрессивно-деструктивных приемов, сформированных в рамках предшествовавшего жизненного опыта и специального обучения. Наложение на актуальную конфликтную ситуацию стереотипов агрессивного реагирования зачастую сопровождается искажением восприятия, осмысления и интерпретации, привнесением на высоте аффекта в контекст реальной ситуации элементов имевших ранее место боевых эпизодов.

Таким образом, у испытуемых этой группы при совершении противоправных деяний происходят нарушение адекватного осмысления происходящих событий, утрата мотивосообразности, формирование ситуативно обусловленной, аффективно насыщенной цели без этапа планирования и оценки внешних условий, с активизацией профессионально сформированных динамических стереотипов агрессивного взаимодействия. Операциональный компонент при этом как бы автономизируется, утрачивает связь с реальной ситуацией. Прогноз и критическая оценка носят чисто операциональный характер. Это позволяет сделать вывод, что в описанных случаях мы также сталкиваемся с нарушением произвольной саморегуляции, ее регрессом с личностного на индивидуальный уровень, распадом структуры деятельности. В результате криминальная активность протекает на уровне малоосознаваемых профессионально сформированных динамических стереотипов, соответствующих чаще уровню действий, а в отдельных случаях – даже уровню комплекса операций.

Шестая группа включает в себя испытуемых, у которых вследствие длительной кумуляции эмоционального напряжения или внезапно сложившейся острой психотравмирующей ситуации возникает тотальная аффективная дезорганизация деятельности с редукцией, либо искажением практически всех составляющих ее структурных звеньев. Как и в описанных выше случаях, действия субъекта в криминальной

ситуации утрачивают свою связь с системой мотивов и ценностей и детерминируются ситуативной аффективно насыщенной нерелексируемой целью.

Активность субъекта характеризуется нарушением организации поведения, относительной хаотичностью и неупорядоченностью. Возникающие агрессивные тенденции носят более генерализованный характер, чем в двух предшествующих группах. Выбор средств и способов осуществляется ситуативно, без учета объективных обстоятельств, с выпадением этапа планирования. Деструктивные действия сопровождаются высокой энергетической разрядкой при их слабой целесобразности. Резко снижается способность к саморегуляции и самоконтролю, практически редуцируются прогностические способности. Прекращение деструктивных действий, как правило, обуславливается не столько достижением какого-либо ожидаемого и превосходящего результата, сознательно поставленной цели, сколько в связи с общим энергетическим истощением или чисто внешними обстоятельствами. В последующем у субъектов нередко отмечается отчуждение собственных действий.

Таким образом, в последнем случае мы наблюдаем наиболее грубые нарушения структуры деятельности, затрагивающие практически все составляющие ее звенья. При этом в отличие от описанных ранее групп, где действия хотя бы в некоторой степени упорядочивались и организовывались аффективно обусловленной целью, сопровождались относительно сохраненным операциональным контролем и завершались по достижении цели, в данном случае мы можем сделать вывод об общей рассогласованности всех элементов деятельности, редукции в структуре составляющих ее действий не только звена целеполагания, но и целедостижения, что приводит к ее глубокой дезорганизации.

Представляется, что степень выраженности нарушений произвольной регуляции у этих субъектов не уступает по глубине физиологическому аффекту, хотя и отличается от последнего по характеру протекания эмоциональных процессов. Указанные состояния не обладают столь жестко заданной спецификой и унифицированностью, отличающими течение физиологического аффекта, они более индивидуализированы, определяются не психофизиологическими механизмами аварийного реагирования, а динамикой индивидуально-психологических реакций субъекта в остро стрессовой ситуации. Можно полагать, что в данном случае мы еще имеем дело с индивидуальным уровнем саморегуляции, представленным, однако, в наиболее редуцированной, примитивной форме, приближающейся к иерархически ниже лежащему, индивидуальному уровню.

Психологический анализ криминального поведения трех последних групп испытуемых, несмотря на имеющиеся между ними существенные различия, позволяет выделить общие закономерности, состоящие в нарушении у них структуры деятельности с выпадением личностного компонента и утратой мотивообразности. Можно полагать, что во всех этих случаях мы встречаемся уже не с уровнем деятельности. Криминальное поведение протекает в форме большей или меньшей степени целесообразных действий, направляемых ситуативно возникшей аффективно насыщенной целью. У этих субъектов отмечается нарушение адекватного протекания этапов целеполагания и целедостижения с выраженными искажениями отдельных структурных звеньев или их полной редукцией.

При этом в значительном числе случаев эксперты отмечают противоречие, нехарактерность агрессивного способа поведения общей направленности личности испытуемых, их системе ценностных ориентаций и ведущих смыслов. Общий регресс на более низкий уровень саморегуляции, значительное снижение произвольности и опосредованности, редукция звеньев контроля и прогноза являются доказательством того, что описанные выше субъекты в силу специфики эмоционального состояния были лишены способности в полной мере осознавать значение своих действий или руководить ими. На практике это отражается в экспертном выводе о наличии существенного влияния эмоционального состояния или личностных особенностей на созна-

ние и деятельность подэкспертного с ограничением его способности к адекватной оценке и волевому контролю противоправного поведения.

При экспериментально-психологическом обследовании лиц, входящих в три последние группы (четвертую, пятую и шестую), у них обнаруживается ряд сходных личностных и индивидуальных особенностей, на основании чего они могут быть объединены во второй тип.

В большинстве случаев у данных субъектов выявляется просоциальная личностная направленность, достаточная интериоризация существующих социальных, правовых и моральных норм, стремление следовать им. Эти лица характеризуются способностью к опосредованным формам реагирования, обладают достаточным репертуаром различных способов и стратегий поведения в субъективно сложных ситуациях, избегают открытой конфронтации, отличаются невысоким уровнем агрессивности либо способны к ее канализации социально приемлемым путем. Однако эти испытуемые в целом обнаруживают невысокий уровень эмоциональной стабильности, повышено чувствительны к негативным воздействиям и высказываниям со стороны окружающих, обидчивы, склонны к фиксации и накоплению отрицательных переживаний, аффективно ригидны, зачастую обостренно самолюбивы, болезненно реагируют на ситуации, затрагивающие их достоинство, угрожающие самоуважению.

При наличии относительно невысоких ресурсов самоконтроля, пониженной толерантности к стрессу, у этих лиц выявляется отчетливо выраженная тенденция к контролю за своим поведением и высказываниями, сдерживанию непосредственного отреагирования, отторгивания агрессивных импульсов.

Экспертная практика показывает, что описанная категория обладает повышенной предрасположенностью к попаданию в конфликтные ситуации, которые в силу их личностных особенностей приобретают длительный, застойный характер, приводя к нарастанию и кумуляции эмоционального напряжения. Потребность в разрешении конфликта начинает играть ведущую роль, что влечет за собой динамические изменения в мотивационной иерархии – соответствующий мотив распространяется на все остальные сферы жизнедеятельности. Конфликтные отношения приобретают доминирующее, сверхценное значение, что подчас приводит к нарушению социальной адаптации. Как правило, неоднократно предпринимаемые неконфронтационные попытки оказываются неуспешными, однако их неэффективность плохо рефлексирована, не учитывается в последующем. При дальнейшей эскалации межличностного противостояния рассогласованность объективного развития событий и личностных ожиданий может привести к резкому нарастанию эмоционального напряжения с последующим аффективным агрессивным взрывом.

Как показало проведенное нами предварительное психологическое исследование лиц, составляющих два описанных ранее типа, у них эмпирически выявилось сходство особенностей эмоционально-волевой сферы. Это, на первый взгляд, представляется противоречащим объективным фактам, не соответствует привычному их восприятию, расходится с данными, приведенными в характеристиках, содержащихся в уголовных делах, показаниями свидетелей и родственников, по которым представители первого и второго типа оцениваются диаметрально противоположно. В то же время, по результатам тестирования у всех испытуемых обнаруживаются сниженная эмоциональная устойчивость, повышенная чувствительность к негативным воздействиям, раздражительность, обидчивость, низкий порог фрустрации, ослабленная толерантность к стрессу. При различной выраженности и сформированности осознанных сдерживающих механизмов, направленных на осуществление саморегуляции, эти субъекты характеризуются трудностями волевого самоконтроля, ослабленной способностью к отторгиванию непосредственно возникающих агрессивных импульсов. Это кажущееся противоречие снимается при анализе личностной направленности и качества социализации двух категорий испытуемых. Личностные установки и ориентации индивидов, входящих в первый тип, способствуют беспрепятственному проявлению их индивидуально-психологических особенностей, в том числе, внешней реали-

зации агрессивных тенденций. У субъектов же, составляющих второй тип, благодаря их просоциальной личностной направленности и высокой нормативности формируются мощные системы компенсации и рационального контроля своих действий, поступков, направленные на отторжение и сдерживание первично возникающих агрессивных импульсов, либо изыскиваются социально приемлемые пути их канализации (профессиональная деятельность, спорт и т.п.).

Таким образом, данные о личностной направленности испытуемого, в первую очередь его социальной ориентации, являются крайне существенными не только для прямой судебной оценки, но и важны для экспертного решения, так как служат предпосылкой отнесения данного подэкспертного к тому или иному описанному психологическому типу, задающему направление индивидуального экспертного анализа.

Проведенный деятельностный анализ структуры криминального поведения подэкспертных, входящих в шесть описанных подгрупп, показывает, что осуществляемые ими акты агрессии, при внешнем сходстве их проявлений на феноменологическом уровне могут занимать разное место в структуре деятельности субъекта и в зависимости от этого наполняться принципиально иным смысловым содержанием, выполнять различные функции, управляться механизмами различного уровня.

ВЫВОДЫ

1. Для дифференцированного анализа и вынесения более точных и научно обоснованных экспертных суждений при проведении КСППЭ по делам об агрессивно-насильственных преступлениях адекватным инструментом является понятийный аппарат, разработанный в рамках теории деятельности.

2. Феноменологически сходные акты агрессивно-криминального поведения могут осуществляться на различных уровнях деятельности, представляя собой либо собственно деятельность, либо действия, либо последовательность операций. В соответствии с этим уровень активности, на котором осуществляется криминальная агрессия, определяет уровень ее регуляции – личностный для деятельности, индивидуальный для действий, индивидуальный для операций.

3. Состояние выраженного эмоционального возбуждения (или напряжения) приводит к нарушению структуры деятельности, сопровождающемуся редукцией или искажением составляющих ее звеньев, регрессом на более примитивные и менее опосредованные уровни активности. При этом регуляция поведения также осуществляется механизмами нижележащего уровня.

4. В зависимости от совокупного влияния личностных особенностей правонарушителя, параметров самой криминальной ситуации, а также глубины и характера нарушений структуры деятельности субъекта, при совершении правонарушения можно выделить шесть основных групп подэкспертных. Критерии отнесения обследованного к той или иной группе одновременно являются теми признаками, на основании которых впоследствии выносится экспертное суждение о наличии или отсутствии способности субъекта в полной мере осознавать фактический характер и общественную опасность своих действий (бездействия) или руководить ими, т.е. контролировать, осуществлять произвольную регуляцию своего поведения.

5. Описанный методологический подход позволяет экспертам-психологам представлять органам следствия дифференцированные и научно обоснованные экспертные факты (выводы) по делу, которые могут служить основой для максимально индивидуализированного судебного решения (приговора), наиболее полно учитывающего субъективные факторы инкриминируемых деяний.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агрессия. Насилие. Жестокость. Криминально-психологическое исследование. Сборник научных трудов. М., 1990.
2. *Василюк Ф.Е.* Психология переживания. М., 1984. С. 36–41.
3. Вопросы судебно-психологической экспертизы. Всесоюзный институт по разработке мер предупреждения преступности. С., 1978.
4. *Ениколопов С.Н.* Некоторые результаты исследования агрессии / Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 100–110.
5. *Ефремова Г.Х.* Изучение ценностно-нормативной сферы преступников / Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 34–44.
6. *Коченов М.М.* Судебно-психологическая экспертиза. М., 1977.
7. *Кудрявцев И.А.* Судебная психолого-психиатрическая экспертиза. М., Юридическая литература. 1988.
8. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения. Т. 2. М., 1983.
9. *Рапинов А.Р.* Психология личности преступника. Ценностно-нормативный подход / Личность преступника как объект психологического исследования. М., 1979. С. 3–34.
10. *Романов В.В.* Военно-юридическая психология. М., 1991.
11. *Ситковская О.Д.* Психологические основания уголовной ответственности. Баку, 1992.